

Глава 8

— Ваше Величество, — гунгун Цинси, семена, вошёл с письмом в руках, — срочное донесение, восемьсот ли.

Цзи Су тут же отложил кисть и взял письмо.

— Откуда?

— Из области Цюаньчжоу, — почтительно ответил Цинси, незаметно отступив на шаг.

Цзи Су слегка расслабился и с многозначительным видом посмотрел на расплывшегося в улыбке Цинси. Лишь затем он развернул письмо. Как и ожидалось, от Цзи Вэйцю.

— Повзрослел, — голос Цзи Су был ровным, но в нём слышалась лёгкая ирония. — Наконец-то догадался написать мне.

Что до самовольного использования срочной почты, Цзи Су промолчал. Он разберётся с этим, когда Цзи Вэйцю вернётся.

Цинси, сохраняя улыбку, согласно кивал.

В письме Цзи Вэйцю говорилось: «Давно не писал, очень скучаю. Долгое пребывание на воде оказалось мне не по нутру, поэтому решил на несколько дней остановиться в Цюаньчжоу, чтобы привыкнуть к местному климату. Дни провожу беззаботно, играю с друзьями в карты, очень весело. Не беспокойтесь. Шлю скромный подарок в знак уважения».

...Что за чушь?

«На корабле всего семь-восемь дней, а уже „долгое пребывание на воде“? — подумал Цзи Су. — В Цюаньчжоу и дня не пробыл, а уже „привык к местному климату“? „Дни провожу беззаботно, играю с друзьями в карты, очень весело, не беспокойтесь“?»

Цзи Су отложил письмо, но из него выпал ещё один листок. Цинси подхватил его и подал императору. Цзи Су взглянул и нахмурился: «Сегодня на меня было совершено покушение. К счастью, гвардейцы из Лазурной Гвардии спасли меня, я не пострадал. Расследование показало, что это было недоразумение. Глава области Цюаньчжоу преподнёс дары для успокоения нервов, что было очень приятно. Усадьба „Сладкий Родник“ находится рядом с поместьем Лянчжуан. Мне она давно нравится, надеюсь, брат подарит её мне».

Усадьба «Сладкий Родник» тоже находилась в столичной области, на небольшом холме с горячим источником на вершине. Она была построена на краю утёса, откуда открывался вид на

весь Яньцзин, а ночью можно было любоваться звёздами. Цзи Вэйцю побывал там с Цзи Су в детстве, и с тех пор она ему очень нравилась, и он при каждом удобном случае просил брата подарить её ему.

— ...Государь? — видя, что Цзи Су долго молчит, осторожно спросил Цинси. — Неужели с маленьким князем что-то случилось?

— Случилось... — Цзи Су бросил письмо на стол и холодно усмехнулся. — И как только у него совести хватает просить об этом.

Цинси, помедлив, поднял письмо. Прочитав о покушении, он замер, но, узнав, что Цзи Вэйцю не пострадал, с облегчением выдохнул и улыбнулся:

— Маленький князь всё ещё такой ребёнок!

Он не стал комментировать остальное, лишь с улыбкой добавил:

— Его Высочество обиделся и жалуется вам! Среди бела дня, в мирное время, в императорскую усадьбу проникает убийца! Пусть даже это и недоразумение, но страшно ведь! Глава области Цюаньчжоу проявил халатность!

Глава области — отец народа, ответственный за благополучие своих подданных. Если в его землях царит мир, а народ живёт в достатке, никаких убийц не будет. А раз они появились, да ещё и проникли в императорскую усадьбу, то главу области можно обвинить как минимум в «неосмотрительности», а затем и в «неисполнении обязанностей». Наказание за это могло быть разным: от выговора до казни всего клана, всё зависело от решения Государя.

— Он не обиделся, он шантажирует, — Цзи Су положил свою изящную, словно выточенную из нефрита, руку на стол, постучал по нему пальцами и снова холодно усмехнулся.

Этот негодник почти открытым текстом написал в письме: «Я ни словом не обмолвился матушке. Дело-то опасное. Не подаришь мне усадьбу „Сладкий Родник“, в следующем письме я расскажу матушке, что на меня покушались!».

— Государь, так что насчёт усадьбы... — с улыбкой спросил Цинси.

— Отдай.

Сказав это, Цзи Су встал и вышел. Цинси, поклонившись, поднял голову, но императора уже не было. Видя, что близится время ужина, он велел Сяо Чжо готовить, а сам поспешил за государем и стал ждать распоряжений в галерее.

Канцлер Гу сегодня был приглашён на ужин во дворец. Он был близким другом Государя и часто ужинал с ним, так что к этому давно привык. Сегодня на стол подали рыбу с мягкой чешуёй. Чешуйки были обжарены так, что стояли дыбом, но во рту таяли, а мясо было жирным, нежным и без костей. Даже канцлер, не большой любитель рыбы, съел несколько кусочков и с восхищением произнёс:

— Я прожил полжизни, и самое правильное, что я сделал, — это последовал за Государем.

Цзи Су поднял на него глаза, ожидая продолжения.

— Если бы не милость Вашего Величества, я бы, наверное, никогда в жизни не попробовал блюдо императорской кухни, — закончил канцлер.

Канцлер Гу обладал утончённой внешностью, и даже лесть в его устах не звучала подобострастно, а скорее как искреннее восхищение учёного мужа. Цзи Су к этому привык.

Он посмотрел на рыбу. Это блюдо подавали впервые. Он попробовал — действительно вкусно.

— Наградить, — сказал он.

— Похоже, императорская кухня теперь в большом долгу перед маленьким князем, — с улыбкой заметил Цинси.

Цзи Су и канцлер Гу посмотрели на него.

— Эта рыба — деликатес из области Цюаньчжоу, называется «рыба в светлых одеждах», — пояснил Цинси. — Очень редкая, через день после вылова из родных вод теряет свой вкус. Государь запретил доставлять ко двору такие дорогие и хлопотные продукты... Князь Жуй попробовал её в Цюаньчжоу, ему понравилось, и он велел срочной почтой отправить её Вашему Величеству.

Канцлер Гу всё понял и с улыбкой покачал головой. Так вот почему сегодня во дворец прибыла срочная почта. Всё благодаря князю Жую. Но вслух он этого, конечно, не сказал.

Срочная почта использовала лучших монгольских скакунов, специально обученных для дальних перегонов. На почтовых станциях постоянно меняли и лошадей, и гонцов. Гонец ехал с императорским указом, и всякий, кто пытался его остановить, подлежал смерти. Лишь так можно было за день преодолеть восемьсот ли. А от Яньцзина до Цюаньчжоу было как раз восемьсот ли. Успели как раз до того, как рыба испортилась.

Но стоило это целое состояние. Лучшие монгольские скакуны были только в императорских конюшнях, каждая лошадь на счету, и использовать их можно было лишь для дел государственной важности. Но этот князь был слишком знатен. Он сказал, что нужно

доставить письмо, а заодно попросил гонца прихватить корзину с рыбой. Кто осмелится возразить?

— Во дворец Милосердного Спокойствия отправили? — ровным голосом спросил Цзи Су.

— Докладываю, Государь, отправили, — с улыбкой поклонился Цинси. — Гонец доложил, что Его Высочество проявил заботу. Он велел спешить, но и себя беречь. Привезли всего шесть рыб. Две помялись в дороге, две — Вашему Величеству, и две — вдовствующей императрице.

Цзи Су слегка кивнул.

Канцлер Гу взглянул на Государя. Тот был спокоен. За годы службы он научился читать его мысли. Он понял, что Государь раздосадован, но ничего не может поделать. Вероятно, письмо было не таким уж важным, и Государь хотел отложить наказание за использование срочной почты на потом, но теперь, после рыбы, это стало неуместно.

Ведь младший брат помнит о старшем и о матери, шлёт им гостинцы. Пусть он и поступает немного своевольно, но не так уж и страшно. Неужели Государь станет жестоко наказывать его за такой пустяк?

Да и палка ещё не успеет взлететь, как прибежит вдовствующая императрица со слезами на глазах. А то и бросится на князя, крича: «За такой пустяк ты хочешь избить своего брата? Тогда сначала убей меня!»...

Он не выдумывал. Несколько лет назад такое уже было. Князь Жуй тогда ещё не покинул дворец, но уже мог выезжать в город. Где-то он попробовал вкусное блюдо и велел повару приготовить его для вдовствующей императрицы. Но повар оказался злоумышленником, и блюдо перехватила придворная дама, пробовавшая еду. Государь пришёл в ярость и приказал наказать князя палками. Едва его уложили на скамью, как прибежала вдовствующая императрица, рыдая и крича, бросилась на него и произнесла именно эти слова.

Конечно, тогда его не высекли. Кто осмелится поднять палку на вдовствующую императрицу? Кто осмелится оттащить её? Сам Государь мог лишь стоять и выслушивать её упрёки, что уж говорить о слугах.

Вспомнив это, канцлер Гу тихо усмехнулся.

Цзи Вэйцю осмелился воспользоваться срочной почтой лишь раз. Если бы он сделал это ради простого письма, по возвращении брат его бы прибил — не до смерти, конечно, но всё же.

Цзи Вэйцю сидел в тёмной комнате и слушал пьесу. Повар под давлением Лазурной Гвардии и

Юнь Инь во всём сознался. Покушение было настоящим, а вот то, что он ошибся, — ложью. Он был поваром в этой усадьбе. Его предки были императорскими поварами, но потом чем-то не угодили, и их сослали сюда.

Отсюда до Яньцзина было и не близко, и не далеко. С тех пор как усадьбу построили, те, кто имел право в ней останавливаться, бывали здесь в общей сложности не больше двадцати раз. У повара был талант, но вернуться в Яньцзин он не мог. Пришлось осесть в Цюаньчжоу, обзавестись семьёй. Его потомки так и остались поварами, но уже не императорскими, а просто уважаемыми простолюдинами.

Но уважаемый простолюдин — всё равно простолюдин. У повара был сын, красивый, как девушка, умный и сообразительный — идеальный кандидат в чиновники. Повар с радостью отправил его сдавать экзамены, но сын не вернулся. Помолившись всем богам, повар выяснил, что его сына заметил «знатный господин» и забрал к себе в дом в качестве пажа.

Повар был в отчаянии, но против главы области он был бессилён. Через свои связи в усадьбе он связался с сыном. Тот сообщил, что служит в доме главы области Цянь Чживэя, и если повезёт, то со временем станет управляющим, а через несколько лет его отпустят, и он сможет жить как зажиточный горожанин.

Повару ничего не оставалось, как смириться. Главное, что сын жив. Но несколько дней назад он узнал, что сын мёртв. Его тело, завёрнутое в циновку, выбросили на кладбище для бедняков. Его забили до смерти, на теле не было живого места. Узнав, что господин Цянь сегодня будет в усадьбе, он схватил нож и решил отомстить, обменяв свою жизнь на жизнь обидчика.

Но с приходом Цзи Вэйцю вся усадьба была оцеплена, и он не мог выбраться из кухни. Увидев, как Цзи Вэйцю со свитой идёт по двору, он решил, что раз уж всё равно умирать, то какая разница. Тот, кто может останавливаться в императорской усадьбе, — особа императорской крови. Он знал, что Цзи Вэйцю — не Цянь Чживэй, но намеренно выкрикнул его имя. Так, даже если его тут же убьют, Цянь Чживэю не избежать наказания. А может, знатный господин в гневе и убьёт его?

Другого шанса отомстить у него не будет, поэтому он и решился на отчаянный шаг.

— А он неглуп, — слушая, с улыбкой произнёс Цзи Вэйцю.

Оказаться на месте жертвы по ошибке, стать козлом отпущения — такое стерпит не каждый, особенно люди их круга. Если разобраться, что им какой-то глава области? В гневе можно и убить его на месте. Если всё сделать чисто, то и обвинения в убийстве чиновника не предъявят. Ну, пожурят по возвращении, и всё.

Ведь, по сути, виноваты не они. Они пострадали за чужие грехи, за грехи злодея. Кому такое понравится? Если дело дойдёт до его брата, то одних только двухсот тысяч лянов серебра и похищения простолюдина хватит, чтобы Цянь Чживэй лишился и должности, и жизни.

Цзи Вэйцю вдруг понял, что означал взгляд Цянь Чживэя несколько дней назад.

— Маленький князь, Цюаньчжоу — недоброе место. Прошу вас, продолжайте путь в Цзяннань,
— поклонилась дворцовая управительница Юнь.

— А разве я похож на добряка? — усмехнулся Цзи Вэйцю.

<http://bllate.org/book/16115/1582146>